

У Байсун пролежал минут десять, а потом поднялся и попробовал пройти. Поначалу Шэнь Цяньянь порывалась поддержать его, беспокоясь, как бы муж не оступился, но он мягко отказался. Тело и правда налилось долгожданной легкостью. Прежде ломота изнуряла каждую мышцу, а в груди словно лежал тяжелый камень, мешавший вздохнуть, но теперь эта гнетущая тяжесть наконец отступила.

Он неторопливо мерил шагами комнату около пяти минут и совершенно не чувствовал усталости. В этот момент дверь отворилась, и вошли Сы Уцзюэ и Янь Чуаньюн.

На этот раз Сы Уцзюэ не стал заставлять Янь Чуаньюна надевать перчатки: от того требовалось лишь подавать нужные инструменты.

У Байсун снова лег на кушетку. На сей раз во время акупунктуры целителю приходилось постоянно удерживать пальцами уже введенные серебряные иглы, из-за чего он не мог высвободить руку. Именно поэтому ему и понадобилась помощь Чуаньюна. Хотя задача была предельно простой, Второй молодой господин не на шутку разволновался.

Он интуитивно чувствовал: этот сеанс в корне отличается от предыдущего. Сы Уцзюэ держался так же невозмутимо, но его движения стали куда более сосредоточенными и выверенными.

И процедура действительно была особенной. Целитель задействовал внутреннюю энергию — нэйли, скрытую от глаз обывателя.

Если бы перенаправить болезнь было так просто, разве уносил бы недуг столько жизней? Без колоссального запаса нэйли, виртуозного владения акупунктурой и древнего наследия предков проверить подобное не под силу ни одному смертному.

Сы Уцзюэ, будучи учеником Государственного наставника Великого Юэ, обладал таким запасом энергии и боевым мастерством, коими могли похвастаться лишь единицы во всем Государстве Великого Юэ. Сочетая нэйли с акупунктурными техниками, он заставлял очаг болезни в теле У Байсуна постепенно сжиматься. Более того, направляя потоки энергии, он бережно окутывал ими органы пациента, защищая от малейшего вреда. Подобное лечение не только не изнуряло больного, но и, напротив, обновляло и укрепляло его истощенный организм.

К концу процедуры лоб У Байсуна покрылся бисеринками пота. Его жена, стоявшая рядом, не смела даже шелохнуться и стереть испарину, боясь сбить сосредоточенного мастера. Лишь когда Сы Уцзюэ извлек последнюю иглу, Шэнь Цяньянь робко спросила:

— Божественный доктор Сы, могу я вытереть Лао У пот?

Сы Уцзюэ едва заметно кивнул:

— Да. Пусть полежит полчаса, после чего можете ехать домой.

Шэнь Цяньяннь поспешно закивала, рассыпаясь в благодарностях.

Не обращая внимания на ее излияния, Сы Уцзюэ ополоснул руки и вышел из комнаты. Янь Чуаньюнь последовал за ним.

Оказавшись во дворе, целитель бросил взгляд на спутника:

— На сегодня дела закончены. Если вам нужно уезжать, Второй молодой господин, можете идти.

Чуаньюнь помедлил мгновение, а затем мягко улыбнулся:

— Божественный доктор Сы, если вы не против, я бы побыл здесь еще немного. Скоро должны привезти обед от повара, хочется лично проконтролировать.

Сы Уцзюэ равнодушно пожал плечами:

— Как вам угодно.

Улыбка на лице Чуаньюня стала теплее:

— Благодарю.

Развлекать гостя Сы Уцзюэ не собирался. Он сразу направился в южное крыло усадьбы — разбираться со своими целебными травами. Стоит сказать, что и в старинной усадьбе сыхэюань семьи Янь южный двор оставался в его полном распоряжении. Там на грядках уже проклюнулись первые зеленые всходы редких растений, за которыми Сы Уцзюэ ухаживал каждый раз, когда приезжал проводить сеанс терапии для министра Янь Тинцзюня. В общем, теперь этот южный дворик в фамильном гнезде Янь стал строжайшим табу для всех домочадцев; доступ туда имел лишь сам целитель и те, кому он лично позволял войти.

В его нынешней обители все свободное место тоже было засажено лекарственными культурами. Повсюду сушились и обрабатывались горы корней и стеблей, отчего воздух в дворике был пропитан целебным травяным ароматом.

Чуаньюнь не стал докучать лекаря расспросами и просто устроился неподалеку, наблюдая за потасовкой четырех зверей.

Хищники увлеченно развлекались шуточной борьбой. Причем каждый был сам за себя: даже

парочка медведей не думала объединяться в союз и увлеченно мутузила друг друга. Разумеется, дрались они вполсилы, исключительно забавы ради.

Но стоило у ворот показаться доставщикам еды, как устроившие свалку звери разом прекратили возню и ломанулись к выходу. Они рванули с такой скоростью, что перед глазами Чуаньюня пронеслись лишь смазанные силуэты.

К счастью, сам повар благоразумно не решился заходить на территорию. Контейнеры с обедом несли менеджер Сунь Яньлин и Ян Фань.

Оба сотрудника, хотя уже не раз видели эту мохнатую компанию, при виде несущейся на них оравы мгновенно застыли как вкопанные.

Оставалось лишь радоваться, что во время визитов пациентов эти четверо послушно сидели взаперти. В противном случае чета У наверняка лишилась бы чувств от страха. Благо У Байсун с супругой успели уехать до кормежки.

Запахло невероятно аппетитно!

Аромат жареного мяса мгновенно заполнил двор. Звери заволновались, нетерпеливо переступая лапами. Чуаньюнь поспешно забрал тяжелые контейнеры из одеревеневших рук Ян Фаня и Сунь Яньлин, отпуская помощников восвояси.

Четверо хищников тут же взяли Второго молодого господина в плотное кольцо, принявшись кружить вокруг него.

Они вели себя точь-в-точь как нетерпеливые дети, выпрашивающие сладости. Глядя на эту картину, Янь Чуаньюнь окончательно позабыл о страхе перед свирепыми тварями.

— Да подождите вы, — ласково пожурил их Чуаньюнь. — Еда еще совсем горячая, прямо с плиты. Нужно, чтобы она хоть немного остыла, иначе обожжетесь.

Сложно сказать, уловили ли они смысл слов, но звери продолжили нарезать круги вокруг него, не пытаясь силой отобрать заветные коробки.

Чуаньюнь приоткрыл крышки контейнеров: оттуда действительно повалил густой обжигающий пар. Проголодавшиеся хищники могли легко обжечь пасти.

Четверка преданно замерла, не сводя жадных взглядов с угощения. Огромный узорчатый питон Да Хуа бесцеремонно водрузил свою тяжелую треугольную голову прямо рядом с макушкой Янь Чуаньюня, едва не касаясь его плеча чешуйчатым боком. Разумеется, молодой человек уже понимал, что пресмыкающееся не причинит ему вреда, но находиться в такой близости от гигантского змея было испытанием для нервов. Чуаньюнь невольно попытался

чуть отодвинуться в сторону.

Однако Да Хуа его деликатного маневра не оценил и послушно сдвинул свою голову следом за ним.

Янь Чуаньюнь мысленно вздохнул.

«Ладно, сижу и не дергаюсь»

Как только мясо достаточно остыло, Чуаньюнь жестом разрешил зверям приступить к трапезе, предварительно разложив порции по отдельным мискам. В тот же миг четыре голодных рта дружно набросились на еду.

Сы Уцзюэ вышел из своего южного двора лишь два часа спустя, когда пришло время обедать. Направляясь к жилым комнатам, он застыл прямо на пороге, застигнутый врасплох открывшейся картиной. Во дворе, устроившись прямо на голой земле, сидел изнеженный Янь Чуаньюнь и увлеченно чесал за ухом огромного черного медведя Да Хэя. Рядом с ним гигантским кольцом свернулся питон, лениво лапаясь к плечу молодого человека чешуйчатой головой. Почесываемый медведь разомлел до такой степени, что завалился на спину, подставив парню мохнатое пузо. Второй медведь, Сяо Хэй, дремал у его ног, изредка посапывая, а леопард Сяо Хуа устроился под боком, то и дело помахивая пятнистым хвостом, легонько задевавшим рукав рубашки Чуаньюня.

Целитель невольно замер, завороченный этим зрелищем.

В золотистых полуденных лучах солнца бледный, изящный юноша в окружении грозных лесных хищников казался невероятно гармоничной, почти неземной фигурой. Его безупречные черты лица словно светились изнутри.

Впервые в жизни Сы Уцзюэ испытал нечто схожее с эстетическим потрясением.

Ни искусные танцовщицы при дворе Великого Юэ, ни прославленные на всю империю первые красавицы никогда не вызывали в его душе и тени восхищения. Их красота казалась ему фальшивой и пресной.

Но сейчас, глядя на непринужденно улыбающегося Янь Чуаньюня, Сы Уцзюэ поймал себя на мысли, что этот юноша чертовски красив.

Если взглядеться, Чуаньюнь действительно обладал незаурядной внешностью. В отличие от заурядного лица самого лекаря, во Втором молодом господине чувствовалась порода — утонченность истинного аристократа, ввевшаяся в плоть и кровь. Еще в день их первой встречи в глухой горной чаще Сы Уцзюэ отметил про себя, что этот парень — самый привлекательный человек, встреченный им за все четыре года пребывания в этом мире. Истинная красота не

знает гендерных границ; изящные черты лица Чуаньюня в сочетании с его врожденным благородством создавали удивительно притягательный образ, и сейчас это проявилось в полной мере.

Почувствовав на себе пристальный взгляд, Янь Чуаньюнь оторвался от почесывания медвежьего пуза и посмотрел на Сы Уцзюэ. Застигнутый врасплох, он смущенно моргнул.

Он так увлекся игрой со зверями, что уселся прямо в пыль на землю... Для избалованного наследника влиятельной семьи Янь подобное поведение было верхом неприличия. И то, что лекарь застал его в столь неформальном виде, заставило Чуаньюня ощутить укол неловкости.

Слегка кашлянув, он поднялся на ноги и отряхнул брюки:

— Божественный доктор Сы, повар передал, что обед уже накрыт.

Стрелка часов перевалила за полдень, и Чуаньюнь успел изрядно проголодаться. Если бы не задержка Сы Уцзюэ в южном крыле, он бы уже давно уехал обедать к себе. Все-таки навязываться без приглашения Второй молодой господин не привык.

Но не успел он закончить мысль, как лекарь равнодушно бросил:

— Вы ведь еще не обедали? Присоединяйтесь.

Чуаньюнь с готовностью кивнул, его лицо озарила вежливая улыбка:

— С удовольствием. Благодарю за гостеприимство.

Время летело незаметно, и вот пролетело еще полмесяца.

Под раскидистым солнцезащитным навесом во дворе усадьбы Сы Уцзюэ в три шезлонга вальяжно улеглись трое сотрудников клиники.

Поначалу, только устроившись сюда на работу, они каждое утро пребывали в крайнем напряжении, готовые в любой момент принять толпы страждущих. Но за две недели, помимо редких визитов членов семьи Янь да тяжелобольного У Байсуна, у дверей лечебницы не показалось ни единой живой души!

К тому же Сы Уцзюэ сам не раз повторял, что в отсутствие пациентов они вольны заниматься чем угодно.

В итоге рабочий день новоиспеченной команды свелся к нехитрому ритуалу: прийти поутру, заварить свежий чай, лениво потягивать его из пиал и валяться в шезлонгах до вечера. Бездельники вели себя так, словно им платили за то, чтобы они просто лениво ждали старости!

В один из таких ленивых дней Сунь Яньлин не выдержала и, понизив голос, обратилась к коллегам:

— Господин У с каждым днем выглядит все лучше и крепче. Видели его позавчера? Лицо так и пышет здоровьем, ни за что не скажешь, что человек смертельно болен... точнее, готовится к тяжелой операции. Вот только... не кажется ли вам, что мы откровенно бьем баклуши? Неужели Божественный доктор Сы планирует лечить всего по одному пациенту за раз?

Чжун Ян, лениво покусывая зажатый в зубах стебелек тимофеевки, расплылся в улыбке. После того как искалеченная рука и слух Ян Фаня полностью восстановились благодаря лечению, парень пребывал в благостном расположении духа.

— С чего ты взяла, что у нас всего один пациент? — весело отозвался он. — Генерал-майор Янь тоже заглядывает время от времени. Да и министр Янь, поговаривают, совсем оправился и уже вышел с больничного на работу.

Всего неделю назад Янь Ханю официально присвоили звание генерал-майора вместо полковника. Конечно, его повышение после успешного выполнения столь опасной миссии было вопросом решенным, но одно дело — принимать поздравления, будучи прикованным к инвалидному креслу и стоя на пороге ампутации, и совсем другое — гордо стоять на ногах во время торжественной церемонии. Разница колоссальная!

Теперь вся Столица знала: Янь Хань исцелен.

Семья Янь умалчивала о деталях его состояния и о том, сможет ли старший сын вернуться на передовую — все-таки курс реабилитации еще не завершился. Однако для всех было очевидно: даже если элитный спецназ для него закрыт, штабная или руководящая должность в армии Янь Ханю обеспечена.

Влияние семьи Янь вновь стремительно росло, заставляя многих столичных чиновников и генералов кусать локти от зависти.

Имя таинственного Сы Уцзюэ, сотворившего чудо и поставившего безнадёжного калеку на ноги, мгновенно оказалось у всех на слуху. Однако по какой-то неведомой причине никто из столичной элиты до сих пор не спешил открыто обращаться к нему за помощью. Клиника пустовала.